

А. А. ФОРМОЗОВ

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ДРЕВНОСТЕЙ МОСКВЫ И ПОДМОСКОВЬЯ

*Издание второе,
дополненное*

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА
2007

ББК 63.4(2)
Ф 79

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Формозов А. А.

Ф 79 Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. —
М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007. — 184 с.
(*Вклейка после с. 128.*)

ISBN 5-9551-0133-0

В книге рассказывается о людях, исследовавших археологические памятники Москвы и Подмосковья — курганы, городища, стоянки первобытной эпохи. Охвачен период с 1820-х до 1940-х годов. Материал рассмотрен на широком историко-культурном фоне.

ББК 63.4(2)

ISBN 5-9551-0133-0

© Формозов А. А., 2007

© Рукописные памятники Древней Руси, 2007

Содержание

Введение	5
Глава 1. Первые исследователи подмосковных городищ Ходаковский и Калайдович.....	11
Глава 2. Первые исследователи подмосковных курганов.....	32
Глава 3. А. П. Богданов и широкие раскопки курганов в Подмосковье	53
Глава 4. Исследователь Дьякова городища В. И. Сизов	76
Глава 5. Археологические находки в Москве. Первые обобщения	95
Глава 6. Первое пореволюционное десятилетие	114
Глава 7. А. В. Арциховский и сложение современных представлений об археологии Москвы и Подмосковья.....	134
Заключение	159
Примечания.....	162

Введение

В наши дни любой очерк истории Москвы или Подмосковья начинается с рассказа о древнейших обитателях этого края. Точно так же в Музее истории Москвы, в Областном краеведческом музее в городе Истре и во всех районных музеях области первые залы отведены для показа археологических находок.

Посетители, осматривающие эти экспонаты, и читатели, знакомящиеся с прошлым столицы по книгам, узнают, что центральные районы страны были освоены человеком еще в каменном веке. Особенно много здесь неолитических стоянок IV—III тысячелетий до нашей эры. Охотники и рыболовы, селившиеся в ту эпоху по берегам рек и озер, умели искусно обрабатывать камень и кость и лепили от руки глиняные яйцевидные сосуды, украшая их стенками ямками и отпечатками покрытого зубчиками штампа.

Во II тысячелетии до нашей эры в Подмосковье появились первые скотоводы, пользовавшиеся наряду с камнем медью и бронзой. Об этих племенах мы знаем по раскопкам не стоянок, а могильников, называемых по месту первой находки фатьяновскими. В таких могильниках нередко встречаются тщательно отполированные и просверленные для крепления на рукояти каменные топоры, то простой клиновидной формы, то более сложных, даже вычурных очертаний — ладьевидные.

Начало железного века в Подмосковье — период с VII века до нашей эры по середину I тысячелетия нашей эры — характеризуется городищами «дьякова типа». Они названы так по Дьякову городищу у Коломенского — первому памятнику этого рода, изученному путем раскопок еще сто лет назад.

Городища представляют собой остатки укрепленных поселений. На них всегда можно различить следы оборонительных линий — валы и рвы. За земляным валом и стоявшим на нем деревянным тыном в минуту опасности люди прятались сами и укрывали от нападения иноплеменников главное свое богатство — скот. На дьяковских городищах каменные орудия попадаются сравнительно редко. Их заменили железные. Широко использовались и костяные изделия. Сосуды, по-прежнему лепные, покрыты отпечатками ткани. Находят тут и предметы из меди — в основном украшения, детали костюма и конской упряжи.

В науке нет единого мнения о том, на каких языках говорили люди, жившие на неолитических стоянках и дьяковских поселениях и похороненные на фатьяновских кладбищах. Зато совершенно бесспорно, что многочисленные курганы Подмосковья насыпаны над древнерусскими захоронениями XII—XIV веков. В это время на Руси уже распространилось христианство, но сохранялись старые языческие обряды. Над могилой сородича возводили земляной холм, а на тот свет покойника сопровождали сосуды с пищей, а порой и орудия труда. Женщин хоронили с украшениями — металлической гривной или бусами на шее, браслетами и перстнями на руках и своеобразными кольцами, вплетавшимися в волосы или закреплявшимися на ленте около висков. Глиняные горшки в курганах уже не лепные, а сделанные на гончарном круге мастерами-ремесленниками.

Установлено, что основная масса подмосковных курганов оставлена потомками упоминаемого в летописях древнерусского племени вятичей. Но в северной половине области находят вещи других типов, характерных для соседнего племени — летописных кривичей.

Наконец, археология может немало дать и для изучения самой древней Москвы, раскрывая слабо отраженные в письмен-

ных источниках особенности быта рядовых горожан. При всевозможных земляных работах в старых частях столицы и при специальных раскопках собраны богатые коллекции глиняных сосудов с черными, как бы прокопченными, а затем старательно пролощенными стенками, красивых печных изразцов с орнаментом и изображениями и другой средневековой утвари¹.

Таким образом, благодаря археологии можно проследить и основные этапы в развитии культуры в Московском крае на протяжении, по меньшей мере, пяти тысячелетий, и прогресс древнего производства, и смену разных по происхождению племен и народов и т. д. Все это касается не только окрестностей столицы. На площади самого города, огромной по размеру (878,7 км², 40 км с севера на юг, 30 — с запада на восток) и связанной с наиболее удобными для поселения местами, обнаружены и неолитические стоянки, и могильники фатьяновского типа, и дяковские городища, и курганы вятичей, и, конечно, остатки средневековья.

Бегло намеченная здесь периодизация сложилась в науке к началу XX века. Если мы раскроем первый том «Истории города Москвы» И. Е. Забелина, изданный при жизни автора в 1902 и 1905 годах, то мы еще не найдем там сведений ни о стоянках каменного века, ни о фатьяновских могильниках, ни о дяковских городищах. Впервые эти материалы были введены в общий обзор истории нашего города в 1909 году в очерке академика Д. Н. Анучина, написанном для многотомного издания «Москва в ее прошлом и настоящем».

Ранние этапы истории Подмосковья восстанавливались по крупицам в ходе исследований нескольких поколений замечательных русских ученых. Имена их знают далеко не все из сегодняшних москвичей. О поисках, достижениях, заблуждениях деятелей отечественной науки, занимавшихся древностями Москвы и Подмосковья, я и хочу рассказать в этой книжке.

С какого момента мы вправе начать? Находки разных старинных вещей, безусловно, не раз и не два делали в самые отдаленные времена при рытье землянок и рвов, погребов и котлованов для фундаментов каменных построек, но поняли, что ди-

ковинные предметы, попадающиеся в грунте, заслуживают внимания, не очень скоро.

Первая стоянка эпохи палеолита в Подмоскovie была открыта только в 1980 году. Между тем можно не сомневаться, что на следы ее люди натолкнулись несколькими столетиями раньше. Дело в том, что стоянка расположена не в каком-то глухом месте, а на том самом мысу, где стоит Зарайский кремль. Те, кто в 1531 году подготовляли закладку стен на мысу, не могли не увидеть в земле громадные кости мамонта и острые кремневые осколки. Вполне вероятно, что кто-нибудь из строителей вытащил из глины удивительные по размерам кости, вспомнил, разглядывая их, о легендарных великанах — волотах, а другой поднял кремневый резец или скребок и приспособил его для кресала. Но никто не счел нужным сохранить кремни и кости, описать, хотя бы кратко, столь необычную находку.

Первые известные нам археологические наблюдения в Московском Кремле относятся к 1838 году. А ведь какие-то древние вещи должны были находить здесь и раньше, при многочисленных строительных работах, например, при рытье котлована для неосуществленного баженовского дворца 1769—1770 годов. Не исключено, что отдельные встретившиеся там средневековые изделия заметили, но их не сберегли, не зарисовали, не описали.

Значит, наш рассказ следует начать с того момента, когда появились первые упоминания о древностях в печати и были сделаны попытки их научного истолкования. А отмечается это лишь в 1820-х годах, в пушкинскую эпоху. Археология Москвы как особая научная проблема возникла менее двух столетий тому назад.

Это не так уж мало. Но вспомним, что в Италии раскопки вели еще в период Ренессанса, да и в России в других районах к ним приступили уже в XVII—XVIII веках. В 1960 году академик А. П. Окладников выступил с докладом «Триста лет сибирской археологии». Действительно, для Сибири с середины XVII века есть сведения о раскопках курганов (правда, с кладоискательскими целями), о поисках древних горных разработок — чудских копей, о вызвавших любопытство у путешественников первобытных рисунках на скалах. В начале XVIII века некоторые

сибиряки составляли коллекции древностей, а в 1722 году были проведены первые научные раскопки могильника у Абаканска². На протяжении XVIII столетия экспедиции Петербургской Академии наук выявили много археологических памятников на Иртыше и Енисее, в Забайкалье, в Среднем и Нижнем Поволжье, на Урале и Кавказе. С конца этого века, когда в состав России вошли Крым, Северное Причерноморье, началось изучение руин античных городов Пантикапея и Херсонеса, скифских курганов в Поднепровье.

А вот под Москвой раскопок в те годы еще не было. Почему же? Причин можно назвать несколько. Людям вообще свойственно больше интересоваться далекими экзотическими краями, чем привычным, примелькавшимся с детских лет около дома. Каждый из нас знает москвичей, с удовольствием рассказывающих о своих поездках на Камчатку, Новую Землю или Памир, но ни разу не побывавших в Звенигороде, а то и в Коломенском.

Внешний вид археологических памятников Подмосковья и встречающихся в них находок неизмеримо скромней, чем у аналогичных объектов в Сибири или на Украине. Для всех трех районов типичны курганы. Но в Поднепровье и на Среднем Енисее они достигают колоссальных размеров — до 20 метров в высоту. Там при раскопках находят золотые вещи художественной работы, иногда привезенные из Греции или Передней Азии, иногда изготовленные местными мастерами. В Подмосковье ничего подобного нет. Насыпи здесь маленькие, не выше полутора—двух метров, находки же бедны. Тоненькое височное кольцо из низкопробного серебра не привлекает ни как материальная ценность, ни как яркий образец прикладного искусства.

Не забудем и еще одно обстоятельство: на сибирские и причерноморские курганы люди XVII—XVIII веков смотрели как на могилы неведомых народов — язычников, а на подмосковные, — если не как на гробницы предков, то, во всяком случае, как на что-то не совсем чужое. Тревожить прах мертвых казалось здесь кощунством.

Что касается других видов археологических памятников, то в Подмосковье никогда не было ни наскальных рисунков, ни ка-

менных изваяний, ни горных разработок, обративших на себя внимание путешественников по Сибири в XVII—XVIII веках.

Остаются следы древних поселений. Из них особый интерес издавна вызвали руины заброшенных городов с каменными и кирпичными постройками. Уже в XVIII веке русские ученые издали описания нескольких запустевших городов: Болгара под Казанью, Аблаинкита на Иртыше, Сарая на Нижней Волге, Маджар на Северном Кавказе, Херсонеса и Пантикапея в Крыму. В Подмоскowie таких развалин нет. Стоянки охотников и рыболовов каменного века, рядовые селища вятичей и кривичей не имеют никаких выраженных признаков на поверхности. Разыскать эти памятники прошлого сумели только специалисты-археологи в XX веке. Городища с их валами и рвами хорошо заметны, и в народе о них всегда знали, но в размывах на краю береговых укреплений можно увидеть лишь полусгнившие кости да черепки грубо слепленных горшков — на обывательский взгляд, вещи нестоящие. Это не Херсонес с его мраморными колоннами, находками расписных ваз и античных монет.

Наконец, раскопки в Сибири позволяли надеяться, что с их помощью прояснятся какие-то темные места в истории Азии — материка для европейцев все еще малоизвестного. Об истории греческих городов в Причерноморье вполне можно было судить по книгам древних авторов. Но людей XVIII века, воспитанных на идеях классицизма, на преклонении перед античностью, занимало все, что говорило о высокой культуре того времени, — и глиняные светильники, и терракотовые статуэтки, и монеты, и детали каменных зданий. Ну а прошлое Центральной России ученые XVIII века рассчитывали с достаточной полнотой восстановить, используя одни летописи и грамоты.

Так и получилось, что археологические памятники Подмоскowie на десятилетия выпали из круга внимания первых русских исследователей отечественной истории.

Положение изменилось в начале XIX века.

Глава I

Первые исследователи подмосковных городищ Ходаковский и Калайдович

В конце 1819 года в Москве вышел очередной — двадцатый — номер популярнейшего русского журнала «Вестник Европы». Он был основан в 1802 году Николаем Михайловичем Карамзиным (1766—1826), а затем перешел в руки его литературного противника Михаила Трофимовича Каченовского (1775—1842). Новый редактор — профессор Московского университета по кафедре истории — в отличие от своего предшественника заполнял страницы журнала не столько произведениями поэтов и прозаиков, сколько специальными исследованиями, посвященными тем или иным явлениям древности и средневековья. Это вызывало нарекания читателей. Пушкин иронизировал, что «Вестник Европы» целиком ушел в обсуждение таких «животрепещущих» тем, как упомянутые в летописях «куньи мордки»¹.

И на этот раз в журнале была помещена большая статья, озаглавленная «Разыскания касательно русской истории», но вряд ли кто из подписчиков счел ее малоинтересной. Здесь поднимается вопрос, далеко не безразличный для русского общества в период национального подъема после Отечественной войны 1812 года и в начале движения декабристов. Вопрос состоит в том, была ли культура древнейших славян примитивной или она достигла высокого уровня. Рассматривались тут и пути решения этой проблемы.

Сказав несколько комплиментов «Истории государства Российского» Карамзина, изданной всего год назад и пользовавшейся огромным успехом, автор статьи упрекал историографа в малом внимании к истокам славянства, по сути дела в отказе от их поисков и характеристики (вероятно, это и привлекало в «Разысканиях» редактора Каченовского). Те, кто пользуется только летописями, составленными христианскими монахами, говорилось далее, неминуемо видят более ранний языческий период в искаженном свете, поскольку христиане намеренно изображали язычников грубыми, жалкими дикарями. Ученым надо обратиться к совсем другим материалам — к фольклору, топонимике, этнографии, покинуть кабинеты, «низойти под кровлю селянина», узнать его поверья и обычаи.

Особенно важны в этой связи своеобразные памятники прошлого — городища. «Мне удалось заметить..., — писал автор, — что, где они уцелели, везде сходствуют в главных чертах: имеют небольшие кругловатые валы, исключительно из черной земли насыпанные, имеют вход от востока, всегда находятся при реках или источниках на прекраснейших местоположениях, и посреди оных валов нередко примечаются ямки или котловища... Сии городища были святыми... приходскими местами, где свадьбы, венчания и другие обряды языческие совершались»². Городища сооружены не кем иным, как славянами, притом по строгой системе — в четырех — шести или восьми верстах друг от друга, так что по ним легко определить и область расселения славян, и устройство их общества в языческую эпоху. Более того: продолжая исследования, можно будет дойти до «Инды и Гангеса» и выявить корни всей европейской семьи народов (незадолго перед тем было установлено родство санскрита с европейскими языками).

Под статьей стояла незнакомая публике подпись: «Зоряян Доленга-Ходаковский..., Гомель под Белицею, 20 липца 1819» («липец» — по-польски «июль»).

Менее чем через год увидела свет вторая работа Ходаковского: «Проект ученого путешествия по России для объяснения древней славянской истории». Она была напечатана в семи но-

мерах петербургского журнала «Сын отечества» за 1820 год и содержала более развернутое обоснование тезисов, выдвинутых в «Вестнике Европы». Дан тут и список конкретных городищ, разбросанных по просторам России и требующих осмотра и изучения. Среди них названо несколько пунктов в Московской губернии: Вышгород в Верейском уезде (ныне Наро-Фоминский район), городища в Верее (Владимирово), Малом Ярославце и у села Ладонского в Тарусском уезде³. М. Т. Каченовский нашел нужным перепечатать эту статью с небольшими сокращениями в «Вестнике Европы»⁴.

Постепенно до Москвы дошли рассказы о неизвестном русском читателям исследователе славянских древностей. Впервые он выступил в печати в 1818 году в западно-украинском городке Кременце, где находился центр польского просвещения — Лицей. Уже в этой ранней публикации намечена широкая программа сбора материалов о культуре славян-язычников: «Сбережем случайные, но довольно нередкие открытия, которые делаются в земле, — эти разные небольшие статуэтки, изображения, металлические орудия, посуду, горшки с пеплом. Сосчитаем и точно измерим все большие могилы... Охраним от уничтожения надписи, начертанные на подземных скалах... Снимем планы с положения местностей, пользующихся давней известностью. Узнаем все названия, какие деревенский люд и его лекарки дают растениям. Соберем, сколько возможно, песни и старые гербы. Опишем главнейшие обряды»⁵.

Этот план исследований Ходаковский представил Варшавскому обществу друзей наук, но поддержки там не встретил. В его положениях усмотрели предосудительное восхваление язычества и очернение христианства. Тогда Ходаковский решил познакомиться со своим проектом известного мецената графа Николая Петровича Румянцева (1754—1826). Сын фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского, видный дипломат, государственный канцлер, выйдя в отставку, погрузился в изучение русской старины, субсидировал издания исторических источников, поиски их в монастырях и архивах⁶. В его-то имение близ Гомеля и приехал Ходаковский из Западной Украины. Граф выслушал

посетителя, снабдил его рекомендательным письмом в столицу, но от помощи в организации экспедиции уклонился.

Из Белоруссии Ходаковский направился в Петербург, где предложил «Проект ученого путешествия» министру народного просвещения А. Н. Голицыну. Тот запросил мнения Н. М. Карамзина. Николай Михайлович отозвался о проекте положительно, подчеркнув, в частности, что автор «окажет немалую услугу любителям нашей истории, если, осмотрев на месте ее памятники, в особенности городки, издаст их верное описание»⁷. Проект, поданный министру, и был напечатан в «Сыне отечества».

Москвичи живо откликнулись на эту публикацию. В «Вестнике Европы» помещены четыре письма, сообщавшие о неучтенных в статье археологических памятниках. Один из корреспондентов — Михаил Николаевич Макаров (1785—1847) — интересовался этим кругом тем и раньше. В 1819 году он недоумевал, «почему наши любители древностей, занимаясь одной письменностью летописей, не хотят еще рассматривать и исследовать... немые, но самые любопытнейшие памятники временников, сохранившиеся в архивах самой природы»⁸. Теперь он указывал Ходаковскому на Мячковский, или Боровский, курган в 30 километрах от Москвы и на несколько городищ, расположенных по дороге оттуда в Рязань⁹.

Имя Макарова давно позабыто, но в начале XIX века он пользовался известностью, много писал в стихах и прозе, собирал и публиковал русские песни и сказки, издавал журналы, знал Пушкина, оставил свои воспоминания о нем¹⁰.

Почему же весьма специальные статьи о древностях заинтересовали читателей? Труд Карамзина удовлетворил отнюдь не всех. Декабристы М. Ф. Орлов и Н. М. Муравьев обвиняли историкографа в сознательном замалчивании периода «народоправства», т. е. республики в истории Руси, предшествовавшего «монархии» Рюрика. Объяснить, по каким материалам можно охарактеризовать загадочный период, они, однако, не сумели. Ходаковский отвечал как раз на этот вопрос.

Слово «городище» старинное русское. Означает оно место запустевшего города, как «селище» — место заброшенного села,